

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарность	9
Пролог	11
ЧАСТЬ I. ЯЗЫК РЕСПУБЛИКИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЕДИН	
Глава 1. Как возможна революция в языке?	27
Косность масс и невозможность революции в языке	27
Язык и территория: вопрос метода	32
Глава 2. От языка короля к языку человечества	41
На родном французском и никак иначе	41
От «вульгарного языка» к идеальной ясности	50
Ривароль о ясности и универсальности французского	56
Глава 3. Жан-Жак Руссо о происхождении языков и возможностях политического сообщества	62
Речь — «первое общественное установление»	62
Трансверсальность зла и происхождение языков	70
Глава 4. «Язык Республики должен быть един»: революционная языковая политика	82
Революционные логомахии и парадокс законодателя	82
Донесение Барера: на каких языках говорит реакция?	90
Донесение Грегуара: искоренение патуа	96
Язык Республики и Большой нарратив французской нации	105

ЧАСТЬ II. НАРРАТИВЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ:
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО

Глава 5. От империи к республике Советов	113
Проклятие Руссо и литература эскимосов	113
Формализм плюс коренизация всей страны	120
Глава 6. Евгений Поливанов о советском языковом строительстве и социальной инженерии будущего	128
Марксистское языкознание и кодекс языкового строителя коммунизма	128
Эволюция языка и утилитарное языковое строительство	137
Глава 7. Лев Якубинский о «языковой миссии пролетариата» и иллюзорном единстве национального языка	148
Наш ответ Соссюру о возможности революции в языке	148
Единство языка или классовый подход: о принципах пролетарской языковой политики	156
Глава 8. Виктор Виноградов о «надклассовом господстве» и синтезе национального языка	164
«Эффект Виноградова» и историчность «пушкинского национализма»	164
Пушкин и проблема литературного языка в исторической перспективе	170
Глава 9. Михаил Бахтин о формальном единстве и противоборстве языковых сил	181
Социологическая стилистика и система языковых норм	181
Социальное разноречие и проблема «чужого слова».	185
Революция и поиски «своего» языка	191

ЧАСТЬ III. «МОЛЕКУЛЯРНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ МАЯ
1968 ГОДА: ОТ «ВЗЯТИЯ СЛОВА» К ТЕОРИИ ПРИКАЗОВ

Глава 10. От «взятия слова» к политике языка: Мишель де Серто о мае 1968-го и «патриотическом проекте» Грегуара	199
Де Серто об «извержении слова»: миметичность революции и поиск нового языка	199
Опросник Грегуара и архитектура «патриотического проекта»	204
Глава 11. Мишель Фуко от проектов идеального языка и гвернаментальности к откровенной речи	209
Соотношение знаковых систем и проблема идеального языка	209
«Полиция высказываний», гвернаментальность, парресия	213
Глава 12. «Язык отдает приказы жизни»: Делез о проблеме власти и языка	225
Кто говорит? <i>Semiotica prima</i> и начало философии	225
«Анти-Эдип» и происхождение языка: от примитивного территориального знака к голосу деспота	236
Лингвистическая ситуация имперской Праги: «миноритарная» литература и Франц Кафка	242
Постулаты лингвистики и теория приказов	252
Руины репрезентации, или Говорить не вместо, а вместе	258
Эпилог. Скептическая меланхолия и парадоксы революции	264
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Бертран Барер. Об иностранных наречиях	269
Анри Грегуар. О необходимости уничтожения патуа	282

Моим родителям

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я ХОТЕЛ бы выразить признательность Жан-Кристофу Годдару и Гийому Сиббертену-Блану — научным руководителям моей диссертации «Politique et la micropolitique de la langue» («Политика и микрополитика языка»), защищенной в Университете Тулуза 2 Жан Жорес в сентябре 2014 года, текст которой послужил отправной точкой этой книги. Также хотел бы поблагодарить Оксану Тимофееву, Игоря Чубарова и Олега Берназа, взявших на себя труд по чтению рукописи и давших автору ценные советы, и Александра Павлова за возможность выхода книги в серии «Политическая теория».

Также благодарю издателей, позволивших частично воспроизвести опубликованные материалы в этой книге:

главного редактора журнала «Логос» Валерия Анашвили — фрагменты статьи «Речь как первое установление общества: Жан-Жак Руссо и революционная политика языка» (Логос. 2013. № 6 (96));

директора издательства «Кабинетный ученый» Федора Еремеева — фрагменты статьи (совместно с А. Дмитриевым) «Кем делается политика языка» (Формальный метод: антология русского модернизма. Т. 4: Функционализм /под ред. Сергея Ушакина. Екатеринбург: Кабинетный ученый, в печати);

директора издательства «Логос» (Белград) Владимира Меденицу — фрагменты статьи «"Разбить иллюзию единства": Лев Якубинский о национальном языке в эпоху капитализма и миссии пролетариата» (Русская культура на перекрестках истории / под ред. Валерия Гречко, Хе Хён Нам, Сусуму Нонака, Су Квани Кима. Белград: Логос, 2021);

директора издательства «Ад Маргинем» Александра Иванова — фрагменты статьи «Природа мертва, а коллектив еще нет: экспериментальная метафизика Латура между политикой и науками» (*Латур Б. Политики природы*. М.: Ад Маргинем, 2018).

Бруно Латура и Эдуарду Вивейруша де Кастру — за вдохновение. И, *last but not least*, мою жену, доктора Масуми Нагасаку, за что — не перечислить и на сотне страниц.

ПРОЛОГ

*Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложно.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.*

Владимир Маяковский,
«Я знаю силу слов...»
(неоконченное), 1928–1930 годы

В КОНЦЕ октября 1789 года депутатам французских Генеральных штатов поступил трактат анонимного автора под названием «О способах обращения к народу на площади»¹. В нем содержался проект, предлагавший чертежи нескольких механизмов, необходимых для донесения «голоса благонамеренного человека» (*la voix de l'homme du bien*) до собравшейся публики. Первый назывался «Слуховая труба народа» (*porte-parole du peuple*), он многократно усиливал голос оратора. Механизм представлял собой нечто наподобие огромной трубы для патефона, к чертежу прилагались подробные объяснения производимых акустических эффектов. Второй автор назвал «Народным табло» (*tableau populaire*), на нем фиксировались основные тезисы выступления в восприятии слушателей, удерживая их внимание. Для этого на огромном полотне, натянутом между двумя бобинами, как в интритрах немого кино, появлялись надписи вроде «Подождите, он скоро раскроет вам коварный заговор аристократов». Третий, наиболее сложный в техническом исполнении, механизм назывался «Передвижное оратор-

---

¹ *Guilhaumou J.* La langue française et la révolution. Paris: Klincksieck, 1989. P. 151–155.

ское кресло», (*siège oral mobile*) он многократно усиливал эффект присутствия оратора: решетчатая балка из дерева или металла, воздвигнутая вокруг небольшой сцены, «облегчала прохождение звуковых лучей», а мобильность самой сцены позволяла публике не только слышать выступающего, но и наблюдать за ним с разных сторон.

Этот «благонамеренный человек» являлся официальным представителем, или, буквально, «носителем голоса» (*porte-parole*) народа. Как заметит современный историк, неизвестный автор выстраивал воображаемую мизансцену «народного суверенитета»². *Populus sive Deus ex machina*... В нашем революционном ораторе легко угадывается описанный великим гражданином Женевы — Жан-Жаком Руссо — идеальный законодатель, транслирующий волю неотчуждаемого народного суверенитета. Акустическая проблема была предусмотрена Руссо задолго до взятия Бастилии и Клятвы в зале для игры в мяч. Если Аристотель в качестве критерия оптимального размера государства называл его «хорошую обозримость» (*εὐσύνολτος*)³, Руссо добавляет к этому необходимость хорошей акустики. Речи оратора должны быть не только слышны, но и понятны всем присутствующим. Однако французский, немецкий и английский, утверждал Руссо, являются скудными и бедными на эмоции северными языками, на которых говорят люди, «помогающие друг другу и холодно беседующие меж собой». Даже после «стократного смешения и перестройки» они сохраняют в себе черты своего происхождения:

Есть языки, благоприятные для свободы: это языки звучные, размеренные, гармонические, тут речь отчетливо слышна издалека. Наши языки созданы для бормотанья в

² *Guilhaumou J.* La langue française et la révolution... P. 152.

³ *Аристотель.* Polit. 1326b. О «евсиноптизме» Аристотеля см.: *Jannsens D.* Easily, At a Glance: Aristotle's Political Optics // *The Review of Politics.* 2010. Vol. 72. No. 3. P. 385–408.

государственных советах на манер речей в турецких диванах. Наши проповедники в храмах выбиваются из сил, и никто не понимает, что они говорят... У древних на общественных площадях ораторы произносили речи легко, там говорили день напролет без особого напряжения. Полководцы обращались к своим отрядам; речи эти были понятны, и полководцы не утомлялись. Когда новейшие историки вставляют речи в свое повествование, это вызывает смех. Представьте себе француза произносящего речь на Вандомской площади; пусть кричит из всей мочи — будет слышен крик, но не поймешь ни слова. Геродот при громе аплодисментов читал свою историю народам Греции, собравшимся под открытым небом... Итак, я утверждаю, что всякий язык, который непонятен собранию народа, есть язык рабов. Народ, говорящий на этом языке, не может быть свободным⁴.

С чем связана столь незавидная участь этого совершеннейшего, как считали его современники, языка Европы? Двумя главными факторами, препятствовавшими его превращению в «язык свободы», были климат и политический строй. Языки, утверждает Руссо, «развиваются естественным путем», связаны с потребностями человека и преобразуются вместе с ними: «В древние времена, когда действовали убеждением, а не общественным насилием, красноречие было необходимо. Но какая польза от него теперь, когда убеждение заменено общественным насилием?»⁵. В 1789 году от Р.Х., или Третьем году до Новой революционной эры, машина «общественного насилия» дала сбой и красноречие стало необходимо вновь, а «друзья свободы» и патриотические ораторы оказались в положении полководцев древности. Они столкнулись с

---

⁴ Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. С. 266.

⁵ Там же.

проблемой, которую Руссо, ностальгирующий по древним городам-республикам, не предусмотрел в своем проекте прямой демократии.

Что за язык понятен «собранию народа»? Даже сто-кратно усиленный голос революционного оратора не дой-дет до тех, кто не понимает языка Республики. Именно та-кое открытие сделали «друзья свободы», столкнувшись с мятежами в провинциях. Анри Грегуар, депутат от духо-венства и один из главных апологетов республиканской унификации языка, в своем знаменитом раппорте Нацио-нальному конвенту от 16 прериала Второго года Республи-ки отмечает, что в 28-миллионной стране «не менее ше-сти миллионов французов, особенно в деревнях, совер-шенно не знают национального языка, а сопоставимое с ними число граждан едва способны поддерживать разго-вор». Число тех, кто свободно говорит по-французски, не превышает трех миллионов, а тех, кто способен грамотно на нем писать, — еще меньше. Поэтому, заключает Гре-гуар, «с тридцатью различными патуа⁶ мы, в том что ка-сается языка, еще находимся в Вавилонской башне, тогда как в том, что касается свободы, мы идем в авангарде на-ций»⁷. Ему вторит другой яркий оратор якобинской пар-тии — Бертран Барер де Вьёзак, за свое революционное красноречие прозванный «Анакреоном Гильотины»:

Граждане, именно так рождается Вандея; ее корни — в не-знании законов; то, что ее взрастило, препятствовало про-никновению революции: все эти идолы невежества, эти строптивые священники и заговорщики-аристократы, алч-ные лекари и слабые или же состоящие с ними в сговоре чиновники, все они открыли безобразную рану в самом

⁶ О коннотациях термина «патуа» в науке о языке XVIII века см. с. 98 наст. изд.

⁷ Грегуар А. О необходимости уничтожения патуа. См. с. 286 наст. изд.

сердце Франции: так уничтожим же невежество и отправим учителей французского языка в деревни!⁸

Республика, единая и неделимая, должна говорить на одном языке. Собравшийся народ внимлет глашатаям общей воли, синхронизируя свои мысли и действия. Об этом мечтали создатели Первой республики, создавая свой проект *идеального политического языка*. В их представлении политическое, экономическое, военное, идейное и аффективное единство Республики должно быть обеспечено распространением французского языка, доминировавшего в просвещенной Европе. Разумеется, ни республиканская форма правления, ни наличие уже сложившегося литературного языка не будут неизменными образцами для строителей наций больших и малых, буржуазных и социалистических, воображаемых и почвенно-кровавых, появлявшихся и исчезавших с карты мира на протяжении двух столетий. Но сама идея общего языка как условия возможности того, что французы называют «социальной связью» (*lien social*), станет важнейшим элементом политического проекта модерна.

Языковые войны не ушли в прошлое с действительным или мнимым ослаблением национальных государств в XXI веке. Хотя современная Европа дает немало примеров классических языковых конфликтов (Испания, Бельгия, Украина), представления о едином языке и модели выстраивания социальных связей существенно изменились. Поиск *своего языка* и осмысление его политической роли не обязательно связаны с выбором в пользу языка унифицированного и, как принято говорить в русской традиции, литературного; этот язык распадается на множество социолектов, гендерлектов, технических жаргонов, субкультурных тезаурусов и словарей политкорректности. Работа историков, социолингвистов, этнографов, филосо-

---

⁸ Барер Б. Об иностранных наречиях. См. с. 274 наст. изд.

фов пост- и антиструктуралистского направления, феминисток и теоретиков постколониализма подорвала господствовавшую до 1960-х годов догму о «языке в нормальном состоянии» как образцовой семиотической системе, не зависящей от человеческой инициативы за исключением рутинной нормализации.

Появляются проекты нечеловеческих языков, которым наиболее радикальные исследователи также предлагают предать политический статус. Так, Бруно Латур всеерьез выдвигает идею переосмысления республиканской политической модели как собрания людей и нечеловеческих существ в некоем подобии однопалатного парламента. Ученые выступают в качестве *porte-parole*, или официальных представителей, «нелюдéй» в объединенном парламенте человеческих и нечеловеческих существ. Они получают эти полномочия, конструируя артикуляционные аппараты нечеловеческих существ, то есть наделяя их «правом голоса»: устами ученых нелюди будут выдвигать свои «требования», а люди получают представления об их «привычках». Предложенную Латуром гибридную модель можно ретроспективно спроецировать на любого «официального представителя»: он не просто «несет» голос тех, кого представляет, а всякий раз конструирует коллективного актора, который изначально представляется в виде бессловесной «народной массы» или «безмолвных вещей», которые нужно привести к покорности или же, напротив, воодушевить и придать им импульс к движению. В латурианской перспективе подобная объективирующая предпосылка будет опровергнута всякий раз, когда официальные представители проявят глухоту к «голосу народа». Мечта о его механической трансляции столкнется не только с заговорами аристократов и священников, но и с предрассудками неграмотных крестьян, что-то «невнятно бормочущих» на своих грубых наречиях. Так «официальный представитель», или «носитель голоса»,

становится не менее важной фигурой, чем законодатель Руссо, который пророчески вопрошал: «Есть ли у Политического организма орган для выражения его воли?»⁹.

Мечта о прямой демократии и непосредственном осуществлении суверенитета «собравшимся на площади народом», в которую вдохнул новую жизнь женеvский мечтатель, стала ориентиром и кошмаром, объектом критики и проклятием современных политических режимов. Она прошла через три революции и не исчезла с появлением Национального конвента Первой республики, Советов при революционных коммунистических режимах и децентрализованных, самоуправляемых и не признающих иерархии групп в контексте затянувшегося «Мая 68-го» во Франции, которого, возможно, не было вовсе.

Жиль Делез и Феликс Гваттари, работами которых в значительной степени вдохновлена эта книга (как в методологическом, так и в стилистическом плане), выступали с радикальной критикой репрезентативной модели в философии, политике и искусстве. Они называли «Май 68-го» «молекулярной революцией», предпосылки которой были неочевидны, а последствия мало кем поняты¹⁰. Они надеялись, что ее главным последствием станет неочевидность ответа на вопрос «Кто говорит?». Врачи теряют исключительное право говорить за пациентов, тюремщики — за заключенных, учителя — за учеников, мужчины — за женщин¹¹. Высший, или «мажоритарный», язык (*langue majeure*) перестанет заглушать «миноритарные» (*langues mineures*), что сделает неактуальной модель сложившихся властных отношений между центром и периферией. Для этого неиерархические группы нового типа должны ос-

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 178.

¹⁰ Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Minuit, 1980. P. 264.

¹¹ Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 116.

воить «устройства коллективного высказывания» (*agencements collectifs d'énonciation*), которые позволят установить связь между «приказами» (*mots d'ordre*) и имплицитными социальными условиями существования языка. Предложенные неизвестным автором чертежи революционных голосовых механизмов или латуровские инструкции по сборке «артикуляционных аппаратов нечеловеческих существ» являются примерами подобных устройств.

Откуда уверенность в том, что говорящие «от имени народа» или «самих вещей» не узурпируют власть? Мы должны научиться сомневаться в своих официальных представителях — таков главный урок демократии по Латуру. Сомневаясь в представителях, мы разрушаем самоочевидную иерархию языка: пока мы верим в разделение на упорядоченный язык и сумбурную речь, мы верим в иерархическое общество. Но упорядоченность — не природное свойство языка, а следствие его политической гомогенизации. Язык не нейтрален и не «информативен»: «Единство языка является прежде всего политическим»¹². Не стоит обольщаться революционной риторикой эмансипации, предупреждают нас Делез и Гваттари: якобинская модель языковой нормализации была ничуть не менее жесткой, чем абсолютистская модель Старого режима. В любом миноритарном языке содержатся ростки фашизма. Как не дать прорасти этим драконьим зубам? Ответ Делеза и Гваттари может показаться неожиданным: «Необходимы сравнительные исследования того, каким образом осуществляются централизации и гомогенизации того или иного мажоритарного языка»¹³. Без подобных исследований невозможно само разделение на мажоритарные и миноритарные языки и понимание того, как работает предложенный Делезом и Гваттари механизм «миноризации».

¹² Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux...* P. 128.

¹³ Ibid. P. 120.

В этом смысле делезо-гваттарианская миноризация мажоритарных языковых систем является проектом *идеального политического языка* эпохи «молекулярной» революции долгого «Мая 68-го». В идеологическом плане она парадоксальным образом связана, с одной стороны, с проектом прямой демократии по Руссо, с другой — с советскими экспериментами языкового строительства. В плане методологическом она суммирует накопленные к концу 1970-х годов аргументы против классического структурализма и отчасти генеративной, или «картезианской», лингвистики Ноама Хомского, которую тогда принято было противопоставлять социолингвистике Уильяма Лабова. Французская социолингвистика, как и философия языка, была политической с самого начала.

Французский язык, утверждают Делез и Гваттари, является «мажоритарным языком по определению»¹⁴. Политическая история его становления — часть Большого республиканского нарратива о нормализации, который в 1960-е годы вступил в своеобразный симбиоз со структурализмом. Мажоритарный язык для Делеза и Гваттари — одновременно письменный язык «в нормальном состоянии» или *la langue* (язык) у Фердинанда де Соссюра и язык, доминирующий политически. Нападать на них означает одновременно ставить под сомнение постулаты структурализма и республиканскую историю французского языка. В этом отчасти заключается парадокс движения, которое в англоязычной литературе называют постструктурализмом или, чуть более фамильярно, *French theory* («французской теорией»): критикуя отношения власти и самоочевидность процессов языковой нормализации и связанных с ней политических структур, оно предложило их новое описание. Жиль Делез и Феликс Гваттари, Мишель Фуко, Мишель Де Серто, Жак Деррида и Пьер

¹⁴ Ibid. P. 128.

Бурдьё создали новую теорию власти, которая затем была частично ассимилирована в рамках идеологии неолиберализма. Впрочем, это совсем другая история.

Нас же интересует новое прочтение «централизаций и гомогенизаций» мажоритарных языков в сравнительной перспективе. С чем уместно сравнить историю гомогенизации и централизации этого мажоритарного языка *par excellence*? Здесь я не столько следую намекам Делеза и Гваттари, сколько, как выразался Виктор Шкловский, проявляю покорность «воле материала»¹⁵. История русской революции и советского языкового строительства интересна тем, что на первый взгляд они пошли совсем иным путем: вместо повсеместного насаждения единого национального языка был провозглашен антиколониальный лозунг строительства «национальных языковых культур», лежавший в основе политики коренизации. Начальный этап советского языкового строительства был направлен скорее на мажоризацию языков, которые, в представлении идеологов советской языковой политики, находились «под гнетом русификаторов».

Итак, три революции и три модели идеального политического языка. Точнее, три доминирующие модели, определившие долгосрочные тенденции и радикально изменившие соотношения сил. Идеальный в нашем случае не означает утопический: революции всегда стремятся воплотить свои программы в жизнь всеми доступными им средствами. Средства «молекулярной» революции отличаются от методов народных трибуналов прошлого, но произведенные ею изменения могут оказаться более глубокими, чем попытки реализовать самые радикальные проекты «социальной инженерии». Революция не просто изменяет политические институты, она стремится создать

---

¹⁵ Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990. С. 279.

нового человека: в этом смысле «молекулярная» революция ничуть не менее радикальна, чем Великая французская или Великая Октябрьская социалистическая.

Идеологи революционной языковой политики полагали, что образцового гражданина необходимо создать в том числе средствами языка. Как заметил во *Втором году Первой республики* уже упоминавшийся аббат-якобинец Грегуар: «Новая грамматика и новый словарь обычным людям кажутся всего лишь проблемой литературы. Тот же, кто заглядывает далеко, поместит их в число своих политических принципов»¹⁶. В 1927 году Евгений Поливанов, великий русский лингвист и один из наиболее известных идеологов советского языкового строительства, констатировал, что революция является эпохой «громких изменений и необычно ускоренного темпа эволюции»¹⁷ языков и благоприятным моментом для реформ. Мы пойдем дальше и заявим, что революционные потрясения — наиболее благоприятный момент для понимания политической роли языка в его динамическом и статическом аспектах. Под динамическим аспектом я понимаю социальную мобилизацию, под статическим — создание новых политических институтов, к которому неизбежно приходит любая революция.

Революция по определению является моментом, когда на какое-то время перестает действовать то, что философы Просвещения называли «машиной общественного насилия». Возвращаясь к процитированному выше пассажиу Руссо, новая власть на самом раннем этапе вынуждена действовать при помощи убеждения. В знаменитой ленинской формуле «верхи не могут, низы не хотят» всегда есть момент перформативной неопределенности: приказы на ста-

---

¹⁶ Грегуар А. О необходимости уничтожения пагуа. См. с. 306 наст. изд.

¹⁷ Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 127.

ром «легитимном языке» больше не исполняются, а новый только предстоит создать. Революция, напоминает Грегуар, должна сформировать свой собственный словарь, переосмыслив старые понятия и введя новые. Она должна провести переписание уже сложившихся политических понятий и при этом всегда вынуждена создавать свои собственные. Это момент, когда знакомые всем слова отрываются от «вещей», теряя привычный смысл и обретая новый. Революция способствует ускорению не только политических, но и языковых процессов: лозунги и формулировки, актуальные еще вчера, стремительно устаревают и теряют свой мобилизационный потенциал. Делез и Гваттари покажут это на примере ленинского рассуждения о лозунгах.

Делегитимация старого дискурса власти приводит и к другому открытию: помимо языка власти и старых привилегированных классов существует язык тех, кто был лишен права голоса, или «язык народа», и, что может быть куда опасней, у части этого народа есть общий язык с соседними, зачастую враждебными государствами. Революция — это открытие множественности языков в смысле вертикальном (артикуляция социолектов) и горизонтальном (языки провинций и соседних наций). Это осознание того, что граждане новой республики имеют аффективные привязанности, связанные со «своим языком». Эти аффекты необходимо переформатировать и спроецировать на новый политический строй, чтобы «сердца бились в унисон» с единым языком — не важно, в рамках единой и неделимой республики или местного Совета. Сам стандарт национального языка при этом неизбежно меняется: как заметит Евгений Поливанов, изменяется «социальный субстрат языка», то есть социальный состав правящего класса.

Революция всегда проводит языковые реформы волюнтаристским путем, не считаясь с возражениями и не всегда учитывая доступность имеющихся в наличии технических средств. Именно поэтому многие революционные

проекты превращаются в памятники утопической мысли или реализуются спустя десятилетия. Но при этом революционный утопизм, сталкиваясь с необходимостью реформирования политических институтов, открывает новые социальные функции языка: административно-бюрократические, военно-мобилизационные, экономические и т.д. Революция создает новую типологию языковой веикулярности¹⁸, переосмысляя ее политический функционал.

Наконец, революция не только отрекается от старого мира, но и осуществляет ряд апроприаций, порой самых неожиданных. В своей знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс отметил трагический и до известной степени карнавальный аспект любой революции, когда нация, подобно «рехнувшемуся англичанину в Бедламе», переносится во времена фараонов, древних греков или римлян. Повторение истории всегда имеет оттенок фарса, и люди «как раз в такие эпохи революционных кризисов... боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»¹⁹. Революции «переодеваются» в костюмы предыдущих эпох: русская революция носила французские парики, кюлоты, а «Май 68-го» притворялся то Парижской коммуной, то Советами, то маоистским кружком. Отсюда постоянные попытки перевода с одного революционного языка на другой и пересечения проектов идеального политического языка от Прериала до «Мая» транзитом через Октябрь.

¹⁸ По не вполне понятным причинам этот стандартный термин западной социолингвистики (*vehicular/véhiculaire*) крайне редко употребляется в отечественной литературе.

¹⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8. С. 119.

Все эти моменты делают проекты революционной эпохи, как любят выражаться французские теоретики, привилегированным примером языковой политики. Данная книга — не попытка написать историю языковых политик или тем более сравнительную историю революций. И не упражнение в революционной *хонтологии* в стиле Жака Деррида, а еще в меньшей степени — каталог миноритарных языков или анализ новых языковых этик, этосов и габитусов. Она также не претендует на систематический анализ критики структурализма. Скорее она задумана как своего рода пролегомены к новой политической философии языка, важным моментом которой является свержение с трона структурной лингвистики как «королевской науки» в послевоенной Франции. Это не книга по лингвистике или литературной истории и не манифест в защиту «чистой науки» от идеологии. Мы больше не можем верить в невинность научных теорий и нейтральность языка и, уж конечно, в лингвистические теории, которые, как заметил Клод Ажеж, «редко бывают невинными»²⁰. Чтобы не затягивать чересчур апофатическую часть предисловия, скажем, что это не исследование того, как политики пытаются влиять на язык, а скорее попытка размышления над способами, как можно при помощи языка осуществлять политику, на примере нескольких проектов *идеальных политических языков*. Языковая политика — слишком серьезное дело, чтобы доверять его языковедам. Один современный французский историк, резюмируя дискуссию о необходимости изучения латыни во французских лицах, с удивлением отмечал, что, по мнению ее апологетов, «в латыни интересно все, кроме нее самой»²¹. Едва ли мы сможем найти лучшую формулу для нашего проекта: мы постараемся понять, что важно в идеальном политическом языке, *кроме самого языка*.

²⁰ Hagège C. *Homme de paroles*. Paris: Fayard, 2002. P. 218.

²¹ *Waquet F. Le latin ou l'empire d'un signe*. Paris: Albin Michel, 1998. P. 220.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru